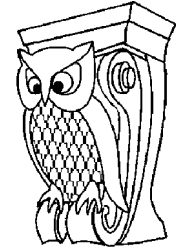

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 270–280
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 270–280
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-270-280>, EDN: MAHMWU

Научная статья
УДК [353.2+329.15](470.44/.47)|1928|1932|

Национальные кадры в государственных и партийных органах власти в Нижне-Волжском крае (1928–1932 годы): подготовка, переподготовка и учет

Е. Л. Фурман

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Фурман Екатерина Львовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и международных отношений, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>, AuthorID: 248929

Аннотация. В статье рассматривается организация процесса учета, подготовки и переподготовки национальных кадров в Нижне-Волжском крае в период первой пятилетки, когда успех проводившихся в стране хозяйственно-экономических и политических кампаний во многом определялся интенсификацией усилий в сфере подготовки кадров для партийно-государственного аппарата. Как показывает практика, к планомерному учету кадров в системе советских и партийных органов власти смогли прийти только к 1929–1930 гг. В условиях районирования, системных перемещений, оказалось сложно сформировать данные о резерве руководящих кадров. Серьезной проблемой в процессе организации подготовки и переподготовки кадров стал низкий стартовый уровень образования служащих (исключение составляло немецкое и украинское население края). При этом проводившаяся в крае кампания по ликвидации неграмотности качественным образом не изменила положение, и на исходе пятилетки будет оставаться высоким процент просто азбучно грамотных советских и партийных кадров, зачастую не имеющих специального образования.

Ключевые слова: Нижне-Волжский край, национальные кадры, советские и партийные органы власти, курсы по подготовке и переподготовке кадров советского аппарата, учет кадров, ВЦИК

Для цитирования: Фурман Е. Л. Национальные кадры в государственных и партийных органах власти в Нижне-Волжском крае (1928–1932 годы): подготовка, переподготовка и учет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 270–280. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-270-280>, EDN: MAHMWU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

National personnel in state and party authorities in the Lower Volga region (1928–1932): Preparation, retraining and accounting

E. L. Furman

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetskiy, Volgograd 400062, Russia

Ekaterina L. Furman, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>, AuthorID: 248929

Abstract. The article examines the organization of the process of accounting, training and retraining of national personnel in the Lower Volga region during the period of the first five-year plan, when the success of economic, economic and political campaigns carried out in the country was largely determined by the intensification of efforts in the field of training personnel for the party and state apparatus. As practice shows, the authorities were able to achieve a systematic accounting of personnel in the system of Soviet and party bodies only in 1929–1930 – in conditions of regionalization and systemic movements, it turned out to be difficult to generate data on the reserve of leading personnel. A serious problem in the process of organizing training and retraining of personnel was the low starting level of education of employees (the exception was the German and Ukrainian population of the region). At the same time, the campaign to eliminate illiteracy carried out in the region did not qualitatively change the situation – and at the end of the five-year plan, the percentage of simply literate Soviet and party cadres, often without special education, will remain high.

Keywords: Lower Volga region, national personnel, Soviet and party authorities, courses for training and retraining of personnel of the Soviet apparatus, personnel records, VCIK

For citation: Furman E. L. National personnel in state and party authorities in the Lower Volga region (1928–1932): Preparation, retraining and accounting. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 270–280 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-270-280>, EDN: MAHMWU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первый этап социалистической реконструкции перед советскими органами власти поставил масштабные управленческие задачи – модернизацию народного хозяйства страны, что в условиях продолжающегося процесса формирования советской государственности и усложнения аппарата управления предопределяло приоритетное внимание к проблеме подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для органов государственной власти, партийных органов. Без системных, плановых мероприятий государства осуществить данную задачу было невозможно.

Формирование государственно-партийного аппарата в СССР, являясь одной из ключевых проблем российской истории XX в., привлекало внимание ученых, представителей разных отраслей научного знания и, прежде всего, историческое научное сообщество [1–4]. Между тем комплексное исследование, раскрывающее этапы и специфику процесса подготовки национальных кадров для партийно-государственных органов власти, организацию их учета на первом этапе социалистической реконструкции в Нижне-Волжском крае, на сегодняшний день отсутствует.

Создание Нижне-Волжского края в 1928 г. в составе Астраханской, Саратовской, Сталинградской губерний, Калмыцкой автономной области, Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (далее – АССР НП), части Пугачевского уезда Самарской губернии и связанная с этим трансформация окружной, а затем районной администрации наряду с весьма пестрым этническим составом созданного краевого образования, высокой концентрацией строящихся промышленных объектов и передовыми темпами коллективизации стали факторами, определяющими специфику проводившихся в крае мероприятий по подготовке и переподготовке кадров для советских и партийных органов власти. Так, в состав утвержденной постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР (далее – ВЦИК) 23 июля 1928 г. административно-территориальной структуры входили 8 округов, 76 районов (без районов АССР НП, Калмыцкой автономной области) и 4 города, непосредственно подчиненных крайисполкомам: Сталинграда, Саратова, Астрахани и Вольска [5]. После ликвидации округов районы были непосредственно включены в край. При этом дефицит кадров советских служащих наиболее остро ощущался именно на уровне районной администрации. Между тем, на данный на 6 сентября 1930 г. по районам Нижне-Волжского края, только 6% руководящего состава райисполкомов (далее – РИК) и горсоветов (председатели, члены президиума, инструкторы) имели высшее образование, среднее – 25%, низший уровень образования – 69% (фактически являлись азбучно грамотными) [6, л. 47–52].

Важным фактором также стал высокий уровень ротации руководящих кадров в рамках так называемых чисток, «перебросок», а также политики «орабочивания» кадров за счет выдвиженцев «от сохи и от станка». Дефицит квалифицированных специалистов по отдельным советским учреждениям Нижне-Волжского края выражался в десятках, в иных – сотнях сотрудников. Так, в результате чисток советского аппарата Нижне-Волжского края в 1930–1931 гг. выбыло 1078 чел. В 1931 г. Нижне-Волжскому крайисполкому требовалось 34 сотрудника, Нижне-Волжской плановой комиссии исполнительного комитета краевого совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее – крайплану) – 19, Нижне-Волжскому крайовому совету народного хозяйства исполнительного комитета краевого совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее – крайСНХ) – 150. В 50 районах края вакантными оставались 744 должности советских служащих, при этом количество заявок с мест ежедневно увеличивалось. Особой проблемой являлся подбор национальных кадров для национальных сельсоветов и районов края [7, л. 15].

С целью стандартизации учета личного состава государственных служащих постановлением СНК СССР от 21 сентября 1926 г. «О трудовых списках» всем государственным учреждениям и предприятиям вменялось в обязанность введение на каждого служащего трудовых списков (постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г. заменялись на трудовые книжки), в которые вносились общие данные, документально подтвержденные, и данные о прохождении службы как с начала трудовой деятельности служащего до заведения трудового списка, так и при дальнейшем прохождении службы. Тем не менее к системному учету кадров, несмотря на указанное постановление, на местах фактически пришли только к 1929 г. [8].

На практике прежние ведомственные анкеты в личных делах (там, где они заводились) постепенно заменялись выписками из трудовых списков, но замена должна была распространяться лишь на тех ответственных работников, которые впервые ставились на учет в данной системе, и на них отсутствовали анкеты [7, л. 1]. В архивных документах встречается несколько наименований учетных документов госслужащих, среди прочих – персональная карточка, личный листок, должностная карточка. Первая из перечисленных аннулировалась в процессе заведения трудового списка. В трудовом списке, в отличие от личного листка по учету кадров, первичного учетного документа, заводившегося в организациях, опускалась информация о принадлежности к другим партиям, семейном положении, знании языков. В трудовом списке содержались сведения о месте и дате рождения, национальности, социальном положении

(до вступления в должность), образовании, профессии (с указанием стажа, должностей и мест предыдущей работы, как правило, трех последних), партийном стаже, членстве в профсоюзных организациях, сведения о воинском учете [7, л. 15].

В советских и партийных органах власти учет должен был осуществляться в двух формах: персональный (подлежали советские и партийные работники, входившие в номенклатуру) и количественный учет. Так, в организационном отделе (далее – орготдел) Нижне-Волжского крайисполкома персональному учету подлежали следующие группы ответственных работников: председатели центрального исполнительного комитета АССР НП и Калмыцкой автономной области и всех окружных исполкомов и их замы, ответственные секретари, заведомоделами, председатели окружных плановых комиссий и их замы (до ликвидации округов). Учет осуществлялся в установленной форме выписки из трудового списка и примерной схеме деловой оценки. В целях более рационального перемещения и выдвижения ответственных работников при крайисполкоме, кроме основного учета, должен был вестись учет резерва ответственных работников, в связи с чем данные о кандидатах на вышеуказанные должности от республиканских, областных и окружных органов власти передавались в краевые органы [7, л. 12, 13 об.]. Сведения о всех перемещениях ответственных работников (в форме извещений о том, с какого года работал в должности служащий, куда перемещен, на какую должность, причины перемещения, кем планируется замещать вакантное место), входящих в учетную номенклатуру служащих ВЦИК, должны были отправляться в обязательном порядке в орготделы исполкомов края.

Техника учета предполагала разработку учетно-распределительной номенклатуры должностей и аппаратов подведомственных органов и учреждений, оформление личного дела, состоящего из выписки из трудового списка, деловых оценок работы и подтверждающей документации (представляющей конкретные результаты работы, взыскания, при их наличии), должностной карточки (должна была заводиться на каждого ответственного работника, входящего в номенклатуру советских или партийных органов власти по установленной форме) [7, л. 12, 13 об.]. Критерием определения квалификации работника являлось определение масштаба и отрасли работы с опорой на материалы деловых отзывов, выписок из трудового списка, подкрепленные соответствующим решением президиума исполкома. В конечном варианте в личном деле служащего появлялась примерно следующая формулировка, соответствующая определению «квалификация»: «работник районного/кантонного/окружного

масштаба по плано-регулирующей работе». Особое внимание уделялось учету резерва ответственных работников.

Первыми потенциальными претендентами на должность ответственного работника среди резервных работников считались уже работающие в советских органах власти служащие, в случае наличия фактических результатов готовые к выдвижению их на ответственную работу (инструкторы крайисполкома, заведомоделами, начальники административных отделов и т. д.). На работника, если он подлежал номенклатурному учету, заполнялись две должностные карточки, на второй ставилась помета «резерв».

Через райисполкомы (кантисполкомы) должен был проводиться разовый персональный учет всего выборного состава сельсоветов. Однако, как показывает практика, несмотря на многочисленные и максимально детализированные инструкции, циркулярные письма ВЦИК на места, учет, в том числе персональный учет ответственных работников, в советских органах власти находился в конце 1920 – начале 1930-х в Нижне-Волжском крае в стадии становления. В условиях постоянной ротации, бесконечных «перебросок» задача оформления должностных карточек и личных дел на каждого работника, подлежащего персональному учету, ставилась перманентно. Учет кадров через многочисленные анкетные и опросные листы начал осуществляться по сути только в конце 1929 г. – с момента введения в штат орготдела крайисполкома должности заведующего учетно-распределительным отделом (далее – учраспредотдел) [7, л. 36]. В условиях районирования практически была прекращена отправка сведений по номенклатурным спискам ВЦИК (персональные списки на председателей ЦИКов автономных республик, краевых, областных исполкомов и их замов, ответственных секретарей, заведомоделами исполкомов) [7, л. 36]. Например, в условиях полного отсутствия учета и изучения женского актива края, особенно в национальных районах – Немреспублике и Калмыбласти, только к 1 октября 1929 г. должны были приступить к разовому персональному учету женского актива.

За подготовку и переподготовку кадров, учет и распределение отвечал сектор кадров Нижне-Волжского крайисполкома (позже была введена должность ответственного исполнителя по учету кадров). В 1929–1930 гг. в секторе кадров работали 2 сотрудника – инструктор крайисполкома, курировавший подготовку и переподготовку кадров и рабочий-выдвиженец, на которого возлагалась обязанность по ведению учета и изучению кадров. Сектор курировал разработку годовых и перспективных планов подготовки и переподготовки кадров, разработку совместно с Домом советского строительства в Саратове учебных программ, содействовал подбору литературы, в том числе на языках национальных

меньшинств, осуществлял руководство над отделениями советского строительства вузов, коммунистических университетов (далее – комвузов), совпартшкол, руководил работой по контрактации студентов вузов, техникумов для советских органов власти [7, л. 42, 42 об.]. Общее руководство осуществлял заведующий орготделом. В силу загруженности работой руководством на периферии осуществлялось путем письменных указаний и редких выездов на места. В некоторых районах элементарного учета не проводилось. В большинстве районов, в условиях отсутствия учетно-распределительных отделов и отдельной соответствующей должности в штате учетом и изучением кадров занимались информаторы, и без того загруженные работой.

Также согласно постановлению ВЦИК от 20 марта 1932 г. «Об утверждении положения об отделах национальных меньшинств при президиумах краевых и областных исполкомов» курировать процесс подготовки кадров специалистов высшей и средней квалификации из национальных меньшинств должны были отделы национальных меньшинств. Отдел также должен был содействовать вовлечению трудящихся национальных меньшинств в работу советов путем разработки и проведения практических мероприятий по усилению оргмассовой работы советов, а также по организации курсов по подготовке и переподготовке работников из национальных меньшинств для советского аппарата [9, с. 237–238].

Как показывает анализ делопроизводственной документации государственно-партийных органов власти Нижне-Волжского края, одной из самых трудноразрешимых проблем в процессе подготовки и отбора кадров государственных служащих являлось отсутствие зачастую самых элементарных представлений о сути марксистско-ленинской методологии, методах и принципах работы советских и партийных органов власти у кандидатов, что вместе с низким уровнем образования становилось одной из основных причин высоких темпов ротации кадров.

Между тем доля расходов на народное образование и политпросвещение в крае оценивалась наркомпросом РСФСР по результатам проверки в 1928 г. как достаточно невысокая – Нижне-Волжский край занимал 9-е место среди других регионов по расходам на народное образование и политпросвещение в местном бюджете, отставая и от общероссийских показателей. Удельный вес расходов на политико-просветительскую работу в краевом бюджете составлял в 1927/28–9,7% (в РСФСР в 1927/28 г. – 12,3 %) [10, л. 89, 90].

Отставание от общероссийских показателей отмечалось и по уровню среднего расхода на душу населения на политико-просветительскую работу, который по Нижне-Волжскому краю в 1926/27 г. составлял 0,27 коп. (по РСФСР –

0,42 коп.), в 1927/28 г. – 0,30 коп. (по РСФСР – 0,45 коп.) [10, л. 89, 90]. Отделы народного образования испытывали дефицит кадров: вместо 2–3 работников, предусмотренных по штату в округах, а затем в районах, работал один. В результате приходилось одновременно выполнять разноплановые задачи по ликвидации неграмотности, проводить массовую и школьную работу, не хватало специалистов-националов и соответствующей литературы на национальных языках.

Однако исход проводившихся политико-просветительских мероприятий во многом зависел от общего уровня образования населения, который несмотря на интенсификацию мероприятий по ликвидации неграмотности, оставался достаточно низким. Так, общая численность грамотных в Нижне-Волжском крае составляла в 1928 г. – 59,2%; в 1929 г. – 64,7%; 1930 г. – 78,5%; 1931 г. – 97,3%. При этом предсказуемо выше был уровень грамотности у городского населения – 61,9%, по сравнению с сельским – 38,6% (по данным на 1928 г.), что в целом согласовывалось с общероссийскими показателями (67,5% и 38,8% соответственно) [10, л. 97; 11, л. 127–128]. Стремительный приток сельского населения на промышленные стройки первой пятилетки заметно изменил и облик городов. Так, например, на Сталинград, ставший на первом этапе социалистической реконструкции центром промышленного строительства Нижне-Волжского края, из общего количества неграмотных и малограмотных всех городов края (92 200) приходилась почти половина – 46,3% – 42 701 чел. (29,6% неграмотных, 70,4% – малограмотных) [12, с. 19, 26, 30].

Пестрый этнический состав Нижне-Волжского края еще более усложнял проблему подготовки кадров, связывая в один узел задачи подготовки национальных педагогических кадров, обеспечение образовательных учреждений научной, методической и учебной литературой сразу на нескольких языках, что в условиях стабильно дефицитных бюджетов советских органов власти ставил заявленную еще в первой половине 1920-х гг. задачу коренизации национальных кадров (перевода делопроизводства на национальный язык в национальных автономиях, областях и районах, привлечения национальных кадров к управлению) в разряд трудноразрешимых. На 1 января 1932 г. на территории Нижне-Волжского края проживали 5 706 тыс. чел. (из них 4 364,8 тыс. – в сельской местности), из которых: русские составляли – 71,61%, немцы – 11,13% (из них более 70% в АССР НП), украинцы – 10%, калмыки – 3%, татары – 1,44%, казахи – 1,41%, мордва – 1,11%, чувашаи – 0,22% [13, с. 383].

Трудность подготовки национальных кадров во многом объяснялась и более низким уровнем грамотности в национальных районах края (исключением являлось немецкое и украинское население края). Так, еще в постановлении СНК

РСФСР «О просветительной работе среди национальных меньшинств» от 18 июня 1926 г. констатировалось, что «несмотря на наличие заметных достижений в деле просвещения национальных меньшинств общий уровень этого дела еще далеко заметно отстает от среднего уровня народного просвещения в РСФСР» [14]. Просветительная работа среди национальных меньшинств понималась как дело «огромной политической важности», в связи с чем следовало планомерно расширять до 1934 г. сеть школ I ступени, уделять внимание созданию сети педагогических учебных заведений для национальных меньшинств, обратить особое внимание на подготовку научных работников из среды национальных меньшинств. Однако реальная обстановка на местах в отдельных случаях кардинально отличалась от заявленной на законодательном уровне повестки – организация школ в сельской местности осуществлялась за счет сельских бюджетов, как в случае с с. Черebaево Старополтавского кантона Немреспублики, где, не имея достаточных средств для организации школы первой ступени, за счет средств сельского бюджета и родителей будущих обучающихся в 1928 г. был нанят учитель-ликвидатор для обучения группы учеников (40 чел.). Учителя наняли по индивидуальному договору с оплатой в размере 44 руб. в месяц на 7 месяцев. Фактически вместо школы первой ступени организовывался пункт ликвидации неграмотности, но с немного расширенной программой обучения [15, л. 133].

При этом в АССР НП по итогам проводившейся культштурма было выявлено неграмотных и малограмотных в 1931 г. 59 140 чел., или 9,5% (общая численность населения республики на 1 января 1931 г. составляла 622,6 тыс. чел.). Для сравнения: в Калмыцкой автономной области совокупная численность малограмотных и неграмотных, охваченных обучением в культштурме, составила 46 280 чел. (89% населения) [10, л. 116; 16, л. 5].

В 1932 г. по отдельным городам численность неграмотных и малограмотных по некоторым национальным группам на родном языке выглядела следующим образом: в Саратове: из общего количества неграмотных 2 479 чел. – 499 представители нацменьшинств, среди них 8,4% – татар, 4,8% – немцев, 1,5% – украинцев, 1,1% – евреев, 1% – мордвин, прочих – 3,3%; малограмотных: немцев 284 чел. (3,1%), татар 262 чел. (2,9%), украинцев – 168 чел. (1,8%); в Сталинграде из общей численности неграмотных и малограмотных (42 701 чел.) по отдельным национальным группам складывалась следующая статистика: среди неграмотных: украинцев – 6,9%, немцев – 3,1%, татар – 9,6%, мордвин – 0,4%, калмыков – 1%; малограмотных: украинцев – 3,7%, немцев – 3,7%, татар – 3,8%, мордвин – 0,2%, калмыков – 0,6%; в Астрахани среди общего количества

неграмотных украинцы составляли 0,3%, немцы – 0,7%, татары – 29,9% (мужчины – 41,2%, женщины – 26,3%), мордвин – 0,3%, калмыки – 0,1%, казахи – 0,6%; среди малограмотных – украинцы – 0,2%, немцы – 0,7%, татары – 15,3%, мордвин – 0,2%, казахи – 0,1% [12, с. 19, 26, 30].

Уровень грамотности сельского населения Нижне-Волжского края по отдельным национальным группам на родном языке в 1932 г. варьировался от 66% у казахов и 69% у калмыков до 93% у немцев и 89% у украинцев. Самый высокий уровень грамотности среди женщин отмечался в немецкой этнической группе (92%), что, с другой стороны, никак не влияло на повышение вовлеченности в общественную жизнь представительниц женской части немецкого населения Немреспублики или районов компактного проживания немцев в крае вне пределов республики [12, с.43].

Между тем, несмотря на представленные цифры, большая часть заявленных грамотных, являлись азбучно грамотными, что объяснялось, с одной стороны, уровнем подготовки самих культурмейцев, из которых только 4% имели высшее образование и у 67% за плечами была школа первой ступени, более 10% были самообразованными и закончившими школы ликбеза [10, л. 116].

В результате проблема подготовки кадров реализовывалась в зависимости от конкретной задачи учреждения и возможностей несколькими путями – контракцией студентов в вузах Нижне-Волжского края, в вузах вне Нижневолжского края, посредством подготовки и переподготовки на курсах (районного и краевого уровней). Политическая подготовка и переподготовка осуществлялись через систему совпартшкол первой и второй ступеней, коммунистических университетов (комвузов). Научно-педагогические кадры для учебных учреждений готовились в институте Красной профессуры, в системе которого в 1931 г. были образованы институты: экономический, советского строительства и права, литературы, философский, аграрный, мирового хозяйства и мировой политики и др.

Политическая подготовка кадров, или так называемое партпросвещение, подразумевало освоение на первом этапе школ политграмоты. На территории Нижне-Волжского края в 1928 г. насчитывалось 479 подобных школ [10, л. 88, 89]. Только в Покровске АССР НП в этот период для обслуживания немецкого, русского и украинского населения функционировало 16 школ политграмоты и 15 кружков по политпросвещению [17, л. 8, 9]. Средним звеном между школами политграмоты и комвузами являлись совпартшколы. Совпартшкола I ступени с годовым курсом обучения (ранее уездная с трех- или четырехмесячным курсом обучения и губернская с семимесячным курсом обучения) в большей мере была ориентирована на подготовку партийных

работников для деревни – деревенских пропагандистов и политпросветработников и в городском варианте для просвещения промышленных рабочих [18, с. 19, 20]. В совпартшколе I ступени, кроме членов ВКП (б) и ВЛКСМ, допускалось не более 25% беспартийных – строго «рабочих от станка и крестьян от сохи».

Совпартшкола II ступени готовила советских и партийных работников – секретарей партячеек, председателей сельсоветов, пропагандистов, инструкторов. В школу принимали обучающихся в возрасте от 19 и до 35 лет, членов партии и комсомольцев. Членов партии с партстажем ниже 2 лет и комсомольцев со стажем меньше 3 лет могло быть не больше 25% от общего количества учащихся [18, с. 68].

Третья ступень совпартшколы, или комвуз (коммунистический университет) являлся высшей партийной школой. В 1922 г. был создан Саратовский коммунистический университет им. В. И. Ленина (с 1928 г. – Нижне-Волжский). В условиях коллективизации в 1932 г. Саратовский комвуз был преобразован в русле общей практики в Нижне-Волжскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу им. В. И. Ленина. В конце 1920-х гг. в вузе велась подготовка на партийном, пропагандистском, профсоюзном отделениях, осуществлялся прием на отделения для подготовки национальных кадров: татарское, казахское, калмыцкое, украинское (в Самарском комвузе – мордовское и чувашское отделение) [19, л. 300, 300 об.]. В 1930 г. из отделения советского строительства был выделен техникум советского строительства. Поступить в него могли абитуриенты, имеющие трехлетний стаж политической или советской работы, или рабочие с производства. Обучение продолжалось 3 года, 40% учебного времени должна была занимать практика [19, л. 157].

В условиях существования дифференцированного стипендиального обеспечения (на момент 1932 г.) в высших коммунистических сельскохозяйственных школах студенчество было на 100% обеспечено стипендиями и отмечался самый высокий средний размер стипендии – 102 руб. (в то время, как в остальных вузах края, средний размер стипендий не превышал 88 руб., самый низкий средний размер стипендии отмечался по медицинским вузам – 60 руб.) [13, с. 412]. Это свидетельствовало скорее об уровне программы, ориентированной на изначально низкий стартовый уровень подготовки студентов – выходцев из пролетарски-крестьянской прослойки и, как следствие, более высокий уровень успеваемости, по сравнению с другими вузами.

В 1931 г. проходил набор в Сталинградский объединенный комвуз (второй Нижне-Волжский краевой коммунистический университет). Так же, как и в саратовский, в сталинградский комвуз принимались в основном рабочие

с трехлетним партийным стажем, члены ВЛКСМ с пятилетним стажем при условии одногодичного партийного и трехлетнего производственного стажа в возрасте от 20 до 34 лет. Приоритетом пользовались ударники и участники Гражданской войны (красноармейцы). Прием осуществлялся на трехгодичное отделение партийного строительства, где готовили руководящие партийные кадры индустриального типа: секретарей цеховых партийных ячеек, руководящих работников и секретарей заводских, партийных комитетов и т. д., и трехгодичное пропагандистское отделение, которое должно было осуществлять подготовку руководителей сети партийного просвещения, пропагандистов и преподавателей экономических, исторических и философских дисциплин для рабочих университетов, совпартшкол, рабфаков, техникумов, ФЗУ, ФЗС. Для поступающих на пропагандистское отделение был обязателен одногодичный пропагандистский стаж [20, л. 68–71]. Планировалась подготовка на национальных языках. В Немреспублике (г. Энгельсе) действовала немецкая высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа им. И. В. Сталина [13, с. 418]. Согласно разрядке, спускавшейся из центра, студенты-националы при соответствии заявленным приемной комиссией требованиям могли отправиться на обучение в центральный Ленинградский комвуз – коммунистический университет союзного значения (высшая партийная школа). Здесь главной проблемой было найти от края достойного кандидата-национала, отвечавшего высоким требованиям – стаж партийной работы не менее 3 лет (без замены стажем ВЛКСМ), возраст от 22 до 32 лет, минимальный трехлетний производственный стаж [17, л. 5].

Значительную часть учебного времени в процессе подготовки будущих партийных служащих занимала практика в совпартшколах и в комвузах. Так, согласно распоряжению обкома АССР НП, курсанты II курса совпартшколы должны были отправиться в кантоны на период с ноября 1928 г. по январь 1929 г. для участия в организации пере выборов советов, после чего отзывы об их работе отправлялись в кантонные центры и далее возвращались в совпартшколу [21, л. 40]. Комвузы вели также активную курсовую работу, открывали вечерние отделения, с начала 1930-х гг. стали осуществлять подготовку кадров руководящего аппарата по советскому строительству. Открывавшиеся, в том числе и для приема студентов-националов, заочные отделения комвузов, совпартшкол, как отмечалось, пока особого доверия не вызывали – процент отсева достигал половины от поступивших [19, л. 302–304 об.].

Высшее образование в Нижне-Волжском крае было представлено достаточно разветвленной сетью вузов. На 1 января 1931 г. в системе высшего образования края насчитывалось 20 вузов с контингентом обучающихся 8 783 студента,

на 1 января 1932 г. – 25 вузов и 12 943 студентов и на 1 января 1933 г. – 27 вузов и 14 407 обучающихся (партипросвещение было представлено комвузами, советских чиновников и партработников также готовили в институте советского права, финансово-экономическом институте, институте советского строительства при ВЦИКе, плановом институте). Достаточно широко была представлена и сеть довузовских учреждений – рабочих факультетов. Количество рабфаков с 1 января 1931 г. к 1 января 1933 г. возросло с 22 (5903 чел.) до 41 (12 875 чел.) [14, с. 407].

Между тем проблема организации национальных рабфаков по-прежнему оставалась актуальной. Так, по данным на 1926 г., от АССР НП в различные вузы было делегировано 250 студентов (в педагогические – 49, в вузы на факультеты хозяйства и права – 48, в сельскохозяйственные – 44, медицинские – 42, технические – 19, ветеринарные – 13, комвузы – 34, в консерваторию – 1 студент). Из 250 студентов немцев насчитывалось 92, что объяснялось, в первую очередь, малым количеством довузовских учреждений: рабфаки для абитуриентов-немцев отсутствовали, существовала одна девятилетка (к 1927/28 учебному году – 4). Напряженной оставалась ситуация с учительским и преподавательским составом для немецкоговорящих абитуриентов и студентов, учебной и методической литературой. Положение начнет меняться к лучшему только в начале 1930-х гг.

Так, источником пополнения национальных кадров советских служащих среднего и руководящего состава кант- и райисполкомов являлось правовое отделение факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета (цикл советского строительства). Однако численность студентов в 1929/30 г. II и III курсов далеко не удовлетворяла потребность в соответствующих специалистах, так как цикл советского строительства правового отделения насчитывал всего 29 студентов, при этом далеко не все выпускники оказывались в итоге способными к работе в советских органах власти – на уровне среднего звена в крайисполкоме или на руководящем в районах или кантонах, улусах [7, л. 45 об.].

На примере учебного плана 1929 г. приема правового отделения факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета можно отчасти проследить систему подготовки кадров для советских органов власти разного уровня. Студенты I курса изучали политэкономия, диалектический материализм, экономическую географию, статистику, историю развития государственных форм и политических идей в связи с развитием классово-борьбы, общее учение о праве с основами советской конституции, военные дисциплины, иностранные языки. На II курсе: продолжали изучать политэкономия, государственное и административное право СССР и зарубежных стран, осно-

вы ленинизма, уголовное право, хозяйственное право, иностранные языки и военные дисциплины. Два последующих года обучения, кроме переходящих дисциплин (политэкономия, цикл дисциплин по советскому строительству), также предусматривали прохождение новых курсов, среди которых – теория советского хозяйства в связи с экономической политикой, международное право, трудовое право, земельное право, кооперативное строительство, спецкурс местного управления, основы регулирования народного хозяйства, финансово-налоговое законодательство, техника и научная организация управления, спецсеминар по экономической политике [10, л. 116]. Упор, как видим, в процессе подготовки вполне оправданно делался на изучение правовых дисциплин, а также цикла дисциплин по советскому строительству. В 1931 г. из факультета советского строительства и факультета хозяйства и права (на базе Московского, Ленинградского, Саратовского, Иркутского и Казанского университетов) были выделены самостоятельные институты – права и советского строительства, последний передавался в введение ВЦИК, при непосредственном руководстве на местах со стороны краевых, областных, республиканских исполкомах [22].

При президиуме ВЦИК был организован отдел кадров, который осуществлял руководство переподготовкой, подготовкой, последующим учетом и распределением работников советов и исполкомов. К началу 1931/32 учебного года при институтах организовывались рабочие факультеты, а сами институты в отношении финансирования и материального обеспечения приравнивались к коммунистическим университетам с 1932 г.

В результате к 1933/34 г. в систему советских органов власти края должны были прийти первые 400 выпускников из вновь образованных в 1931 г. вузов Нижне-Волжского края – Саратовского института советского строительства, планового института и института советского права, среди которых были будущие национальные кадры управленцев. Также в дополнение к вышеперечисленным учебным заведениям подготовку для советских органов власти осуществляли Высшие центральные курсы при ВЦИКе с годичным сроком обучения (набор 1931 г. – 300 чел.), а также юридические курсы на 100 чел. при Нижне-Волжском краевом суде [6, л. 51 об.].

В 1932 г. планировалось подготовить 60 представителей национальных кадров для поступления в вузы края, из них 30 чел. для поступления на рабфак и 30 для поступления в институт советского строительства в Саратове. Подготовка должна была проводиться в течение 3 месяцев в Саратовском институте советского строительства. С этой целью из госбюджета выделялось 27 тыс. рублей [23, л. 2–2 об.].

Несмотря на все возрастающее значение подготовки национальных кадров через систему высших и среднеспециальных учебных заведений, доля студентов, представлявших национальные группы, к общему объему обучающихся оставалась достаточно невысокой, стабильным оставался и процент отсева студентов-нацмен. Так, на 1 октября 1932 г. в четырех вузах краевого отдела народного образования (край-оно) из 1283 студентов обучалось студентов-нацмен 258 (20%), в вузах краевого отдела здравоохранения (крайздрава) из 1211 студентов – 149 (16%), в трех техникумах из 1169 студентов – 119 студентов-нацмен (10%). В среднеспециальных учебных заведениях доля обучающихся националов достигала 26% [23, л. 10–10 об., 13]. Удельный вес националов в составе студентов вузов и техникумов Нижне-Волжского края в 1930/31 учебном году составлял: в технических вузах из 618 студентов – украинцев – 4,2%, немцев – 2,4%, татар – 1,3%, казахов – 1%, мордвинов – 0,8%, калмыков – 0,5%. По педагогическим вузам из общего количества студентов: немцев – 12,3%, мордвинов – 5,3%, калмыков – 3,9%, украинцев – 3,3%, татар – 1,3%, казахов – 0,1%; в педагогических техникумах края: немцев – 16,6%, татар – 10%, казахов – 4,8%, украинцев – 3,9%, мордвинов – 0,1% [23, л. 41, 42].

На 1 января 1933 г. в вузах и втузах Нижне-Волжского края обучалось студентов и аспирантов – националов: украинцев 533 (3,7% от контингента обучающихся), немцев 850 (5,9%), татар 231 (1,6%), мордвинов 101 (0,7%), казахов 43 (0,3%), калмыков 115 (0,8%) [13, с. 411].

Низкий уровень начальной подготовки студентов в условиях, когда размер стипендии напрямую зависел от успеваемости и варьировался от 35 до 150 руб. в месяц, предоставление общежития на общих основаниях обуславливали тяжелое материальное положение большинства студентов-националов, что зачастую приводило к систематическому отсеву (например, в саратовском педрабфаке из поступивших 239 студентов было отчислено 95, или 41%, более высокий отсев студентов отмечался по медицинским и техническим институтам) [23, л. 10–10 об., 13].

Низкий уровень подготовки и высокие критерии отбора для поступающих в центральные вузы страны становились зачастую непреодолимым препятствием для национальных кадров. Так, в 1929 г. по разверстке ВЦИК для отправки в Институт Красной профессуры на отделение права и государства из 80 мест Нижне-Волжскому краю было выделено 4 места (в том числе одно место для советского служащего из Калмыцкой автономной области). Соискатели должны были обладать не менее чем 8-летним партстажем, минимум 5-летним опытом руководящей работы в советских учреждениях, отвечать требованиям пролетарско-крестьянского происхождения. При

этом среди претендентов должно было быть не менее 20% женщин и представителей национальных меньшинств [19, л. 45].

В результате претендентов для прохождения обучения в Институте Красной профессуры, соответствующих заявленным требованиям, не оказалось [23, л. 17, 18, 22, 25]. Такой же проблемой для Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета стал поиск кандидатов для поступления на отделение советского строительства МГУ [19, л. 68].

Решить проблему дефицита кадров пытались отчасти путем внедрения практики прикрепления студентов и стажеров по предприятиям края, а также с помощью контрактации студентов. С этой целью по крайевым, областным и республиканским учреждениям устанавливалось количество стажеров и практикантов, прикрепленных к отдельным учреждениям с финансированием из местного бюджета. Так, для Нижне-Волжского края количество стажеров по учреждениям устанавливалось в размере 1% от общего количества работников управленческого аппарата (за исключением РИКов и практикантов, которых принимали в количестве 2% к общему контингенту работников). Ставка стажера составляла 45 руб. в месяц, практиканта – 35 руб. сроком на 4 месяца [1, л. 1, 5]. На законодательном уровне процент мест для стажировки по каждой отрасли прописывался отдельно народным комиссариатом труда. В результате в условиях дефицита специалистов при одновременном дефиците бюджета в советских органах власти организации, которые могли предложить большую оплату стажерам и практикантам (преимущественно хозяйственные, кооперативные), оказывались в выигрыше.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. получает распространение практика контрактации студенчества, одновременно разрешавшая проблемы дефицита квалифицированных кадров и материального стимулирования студенчества. За время учебы студент подписывал договор о контрактации с исполкомом, от которого и получал денежное содержание. По окончании обучения он обязывался работать в учреждении, определенном исполкомом в течение периода, указанного в данном договоре [19, л. 135]. К контрактации студенчества в большей мере прибегали хозяйственные организации, располагавшие большими финансовыми возможностями «забронировать» студента уже в процессе учебы на I–II курсах, оказывая ему существенную материальную поддержку (стипендия могла достигать 150 руб. в месяц), а зачастую просто «скупая» всех выпускников для своей организации.

Несмотря на определенные усилия в деле подготовки национальных кадров в системе высшего и среднего профессионального образования, по данным отдела подготовки нацкадров

Нижне-Волжского крайисполкома основным источником подготовки национальных кадров являлась курсовая сеть. В 1930 г. проводились курсы районного актива и земработников края, где представителям нацменгрупп было выделено 21 место (12 немцам и 9 калмыкам) [19, л. 106]. В 1930/31 учебном году в Астрахани на межрайонных курсах были организованы татарское, казахское, калмыцкое отделения (в Камышине – украинская группа), в АССР НП проводились курсы, где проходили обучение 535 чел. для советских органов власти [6, л. 43–43 об.]. В 1931 г. из запланированных 271 курсанта-национала прошли обучение 180 чел. на сумму 83900 руб., в автономиях Нижне-Волжского края 340 председателей и секретарей сельсоветов националов прошли переподготовку (100 представителей калмыцкой национальности) [24, л. 107].

В 1932 г. планировалось подготовить и переподготовить по Нижне-Волжскому краю 3 955 чел в системе советских органов власти а по краевым ведомствам – 5 230 чел. [23, л. 9]. Не менее 25% от всего контингента на краевых и межрайонных курсах (450 чел.) должны были составлять кадры националов: украинцев – 180, немцев – 60, казахов – 50, татар – 40, мордвин – 70, калмыков – 50 чел. (без Калмообласти). На курсах и семинарах при горсоветах должны были пройти подготовку не менее 300 (15%) нацменов, по краевым ведомствам из 5 230 чел. не менее 800 чел., из общего количества соцсовместителей и городского советского актива – 15% или 300 чел. [23, л. 9]. Так, только в 1932 г. для советских органов власти Нижне-Волжского края было подготовлено финансовых работников-националов 35 чел. [23, л. 38]. В финансовом техникуме специальных нацменгрупп не создавалось.

Между тем серьезной проблемой для краевого исполкома, для республиканских и областных органов власти становился отбор претендентов для отправки на высшие курсы ВЦИК. Так, для поступления на центральные курсы советского строительства при ВЦИК на 1930/31 учебный год слушатели должны были иметь за плечами 5-летний партстаж, 3 года ответственной советской или партийной работы, а также подготовку в объеме совпартшколы II ступени. Требования могли быть снижены для выдвиженцев, служащих центральных органов власти автономных республик, краевых, областных или наиболее крупных окружных исполкомов и крупных горсоветов (желательно женщин и представителей нацменьшинств). Обучение велось на русском языке. За время учебы за командированными сохранялась заработная плата по месту работы в размере 50% (для семейных – 100%), питание, учебные пособия и общежитие компенсировались организующей обучение стороной, проездные до Москвы и суточные – за счет командировочной стороны. Из 18 мест, выделенных

на Нижне-Волжский край, 3 места предоставлялись националам [19, л. 74, 75, 88].

Наиболее оптимальным вариантом подготовки советских служащих без отрыва от производства представлялась система заочного обучения кадров советских служащих. Курсанты, окончившие заочные учебные заведения и выдержавшие испытания в квалификационных комиссиях при соответствующих учебных заведениях, приравнивались к лицам, окончившим соответствующие стационарные учебные заведения. Учебные курсы там, где это было целесообразно и возможно, должны были быть организованы на национальных языках.

Так, в рамках идеи организованного в 1928 г. первого рабоче-крестьянского радиоуниверситета, в 1931 г. решением ВЦИК и СНК РСФСР был организован факультет советского строительства при рабоче-крестьянском университете по радио. Подготовка и переподготовка кадров советского строительства на местах по факультету советского строительства института заочного образования по радио предусматривала учебную работу в трех форматах: слушание радиолекций, проработку учебного материала, руководство работой слушателя со стороны института и местных органов советской власти (консультанты из числа партийных членов РИКов, горсоветов, кабинетов совстроительства и совпартшкол) [25, л. 9, 11, 16]. ЦИК АССР, краевые исполкомы и облисполкомы входили в соглашение с местными радиоцентрами по вопросам организации трансляций микрофонного лекционного материала по своим трансляционным узлам. В тех пунктах, где трансляция из Москвы была невозможна, передачи радиозанятий должны были организовываться через филиалы института при местных радиоцентрах. Радиолекции должны были транслироваться через самую мощную в СССР Ногинскую радиостанцию. С этой целью необходимо было бронировать время на местных радиостанциях для просвещения национальных кадров, в отдельных случаях рассматривалась трансляция на национальных языках.

Между тем после неудачной попытки организовать на краевом уровне заочное обучение в форме только радиообучения в 1930 г. (из запланированных 8 тыс. курсантов прошли обучение менее 100 чел.) в 1931 г радиолекции были включены в систему обучения как вспомогательное средство на заочных курсах советского строительства ВЦИК [6, л. 50, 51]. Подготовка осуществлялась на двух отделениях – первом по подготовке и переподготовке работников и актива горсоветов и сельсоветов (принимались слушатели, достигшие 16 лет и умеющие читать и писать) со сроком обучения 1 год и вторым отделением для подготовки и переподготовки работников РИКов, кангисполкомов (принимались ответственные работники, достигшие 18 лет

и имеющие подготовку в объеме средней школы) со сроком обучения 2 года [25, л. 99–108].

Основной упор в процессе подготовки курсантов делали на повышение «общественно-политической и практической квалификации советских служащих» – наряду с азами советской работы, вводились дисциплины обществоведческого цикла – политэкономия, экономическая политика, история партии, ленинизм [25, л. 2–5]. Курсантам для самостоятельного изучения предлагался список ключевых работ по теории и истории партии, советскому строительству, проблемам коллективизации, индустриализации, культурной революции, по материалам изучения которой следовало выполнить ряд контрольных работ, которые отправлялись экспертам-консультантам на проверку. Успешно сдавшие контрольные испытания (сдача контрольных работ, участие в итоговой конференции) получали удостоверение об окончании. Окончившие отделение по подготовке и переподготовке работников сельских и городских советов приравнивались к выпускникам совпартшколы, окончившие отделение по подготовке и переподготовке работников исполкомов – к выпускникам институтов советского строительства.

Таким образом, на первом этапе социалистической реконструкции масштабная кампания по подготовке и переподготовке кадров, организации учета кадрового резерва рассматривалась в качестве одной из приоритетных задач, успешная реализация которой напрямую определяла ускоренное решение важнейших мероприятий в хозяйственно-экономической, политической и социальной сферах в стране. Активизация усилий в деле подготовки национальных кадров определялась среди прочего задачами проводившейся с начала 1920-х гг. политики коренизации, призванной продемонстрировать реальное участие национальных кадров в деле строительства социализма в СССР. Создание Нижне-Волжского края в 1928 г. как самостоятельной административно-экономической единицы, необходимость насыщения новых округов, районов кадровым резервом, высокий уровень ротации кадров по причине системных «чисток» конца 1920-х гг., регулярных вертикальных и горизонтальных «перебросок» подвели руководство к необходимости введения плановых начал по учету кадров, точного определения «узких мест» в процессе подготовки и переподготовки кадров, планировании и проведении мероприятий в этой сфере.

Между тем масштабность заявленных задач выявила ряд трудностей объективного и субъективного характера. Так, в 1930 г. из 152 инструкторов советских органов власти Нижне-Волжского края 65 сотрудников имели низшее образование, 81 – среднее и 6 – высшее, из них в АССР НП 11 инструкторов имели среднее образование, 20 – низшее, специальное образование

(со сроком обучения до 1 года) имели 20 сотрудников, более одного года – 2 сотрудника, 9 служащих работали, не имея специального образования, в Калмыцкой автономной области 3 инструктора имели среднее образование, 1 – низшее, 3 – прошли курсовую подготовку до 1 года. Во второй половине 1931 г. из 1471 председателей сельсоветов края 95% имели низшее образование (1436), 2% – среднее, ни один председатель сельсовета не имел высшего образования. Из общей численности председателей сельсоветов 84% сменилось за 6 месяцев. Вне АССР НП, Калмоласти, национальных районах края национальные меньшинства практически не были представлены в местных органах власти (в правлениях сельсоветов края насчитывалось: 1% немцев, 7% украинцев, 0,06% калмыков, 5% иных национальностей, из которых 17% прошли курсовую подготовку и переподготовку) [24, л. 124]. Более того, в 1931 г. в целях коренизации аппарата Немреспублики по территории края в распоряжение Немобкома откомандировывались из разных районов немецкие кадры, а также служащие, владеющие немецким языком [26, л. 59–63 об].

Таким образом, несмотря на создававшиеся национальные подготовительные отделения в системе вузовского образования (рабфаки), достаточно широкую сеть вузов (включая коммунистические вузы – комвузы и их национальные отделения в крае), советские партийные школы, большую роль в процессе подготовки национальных кадров сыграли получившие большое распространение в системе подготовки и переподготовки кадров советских служащих курсы разного уровня – межрайонные, городские, краевые, центральные (организованные под контролем ВЦИК). Определенную роль в русле массовой подготовки кадров сыграла система заочного обучения, начавшая широко внедряться в процесс подготовки и переподготовки кадров в стране и крае в конце 1920 – начале 1930-х гг.

Между тем попытка государственной власти (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1930 г. «Об установлении единой системы подготовки и переподготовки работников по советскому строительству») [19, л. 102–103 об.] унифицировать и адаптировать систему подготовки советских кадров к ускоренному наращиванию темпов подготовки советских и партийных национальных кадров, очевидно, привести не могла. Большая часть необходимой нормативной базы в системе советского строительства представляла собой объемный разрозненный, некодифицированный материал административного права, из-за отсутствия достаточного количества национальных педагогических кадров обучение в большинстве случаев велось на русском языке, что, наряду с жесткими стартовыми условиями отбора претендентов (стаж советской и общественной

работы, пролетарско-крестьянское происхождение, партстаж), ставили зачисление, обучение и успешное окончание курсов на данном этапе (не говоря уже о получении вузовского образования) в разряд трудноразрешимых задач для представителей национальных меньшинств.

Список литературы

1. Булюлина Е. В. Соцсовместительство: советский театр абсурда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 21–30. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.2>
2. Герман А. А. Партийно-советская номенклатура Республики немцев Поволжья // Новый исторический вестник. 2021. № 1 (67). С. 39–51.
3. Гимпельсон З. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930. М. : Институт российской истории РАН, 2003. 224 с.
4. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
5. Постановление ВЦИК РСФСР от 23 июля 1928 г. «О составе округов, районов и их центрах по Нижне-Волжскому краю» // Собрание узаконений (СУ) РСФСР. 1928. № 96. Отд. I. Ст. 618.
6. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 313. Оп. 1 (Нижне-Волжский краевой совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполком). Д. 1568.
7. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1543.
8. Постановление СНК СССР от 21 сентября 1926 г. «О трудовых списках» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1926. № 77. Ст. 627.
9. Постановление ВЦИК РСФСР от 20 марта 1932 г. «Об утверждении положения о отделах национальных меньшинств при президиумах краевых и областных исполкомов» // Конституции и конституционные акты РСФСР. 1917–1937 : сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М. : Издательство «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. С. 237–238.
10. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1522.
11. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1232.
12. Ковалевский А. Грамотность Нижневолжского края на рубеже второй пятилетки (итоги переписи 1932 г.). Саратов : ОГИЗ, 1933. 84 с.
13. Статистический справочник Нижней Волги. 1929–1933. Сталинград : Издание журнала «Нижнее Поволжье», 1934. 459 с.
14. Постановление СНК РСФСР от 18 июня 1926 г. «О просветительной работе среди национальных меньшинств» // СУ РСФСР. 1926. № 37. Ст. 194.
15. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 10487 (Старополтавский кантонный комитет ВКП (б) АССР НП). Оп. 1. Д. 126.
16. ЦДНИВО. Ф. 76 (Нижне-Волжский краевой комитет ВКП (б)). Оп. 2. Д. 22.
17. ЦДНИВО. Ф. 10487. Оп. 1. Д. 146.
18. Совпартшколы и комвузы / под ред. А. Ф. Рындыча. М. ; Л. : Госиздательство, 1926. 239 с.
19. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1544.
20. ЦДНИВО. Ф. 71 (Волгоградский городской комитет партии). Оп. 1. Д. 57.
21. ЦДНИВО. Ф. 10487. Оп. 1. Д. 149.
22. Постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» // СУ РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.
23. ГАВО. Ф. 313. Оп. 4. Д. 25.
24. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1605.
25. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1592.
26. ЦДНИВО. Ф. 76 (Нижне-Волжский краевой комитет ВКП (б)). Оп. 1. Д. 164.

Поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 10.02.2024